

А.И. Попов

ФАНТАЗИИ КНЯЗЯ БАГРАТИОНА И К^о.

Почти всем российским читателям и даже историкам *кажется*, что они весьма хорошо осведомлены об обстоятельствах боя при Салтановке 11 (23) июля 1812 г., довольно подробно описанных в бумагах генерала Н.Н. Раевского и в воспоминаниях генерала И.Ф. Паскевича, непосредственных участников боя. Этот бой описан в любом обобщающем труде по истории той войны, *но вряд ли кто-либо из читателей и даже историков заметил, что серьёзные дореволюционные исследователи цитировали далеко не все высказывания о нём генерала П.И. Багратиона и начальника его штаба генерала Э.Ф. Сен-При*, хотя те и побывали на поле боя. Странное обстоятельство, не правда ли?

Для начала напомним, что, согласно русским документам, во время днёвки войск 2-й Западной армии 7 (19) июля у Бобруйска Багратион получил через флигель-адъютанта ротмистра С.Г. Волконского повеление императора Александра I *непрерменно идти через Могилев и Оршу* на соединение с 1-й армией генерала М.Б. Барклая де Толли под Витебском. Тот же самый маршрут князь предписал в тот же день и отряду атамана М.И. Платова¹.

Общий ход боя при Салтановке действительно хорошо известен. По приказу князя Багратиона Раевский и Паскевич *в героических, но безуспешных атаках* пытались пробиться через сильно укреплённую французами позицию. *Этот «экстракт» боя следует принять как аксиому*, в отличие от выдуманного рассказа о том, как Раевский *якобы водил в атаку обоих своих сыновей*². Посмотрите на любую карту этого боевого столкновения, и сразу станет ясным, кто же на самом деле был атакующей стороной. Данная карта, составленная нашим коллегой А.М. Лукашевичем, является наиболее адекватной реальности, *хотя 57-го линейного полка здесь никогда не было!* Предлагаем читателям всё время сверяться с этой картой, ибо *они*

обнаружат много для себя неожиданного... Ну а теперь рассмотрим три постулата, содержащиеся в рапортах Багратиона и Сен-При.

I. В их донесениях императору Александру I от 13 (25) июля картина этого боя была сознательно искажена! Грузинский князь продиктовал, а французский эмигрант продублировал на французском языке эту фальсификацию. Мы привели для сравнения рапорт Раевского от 20 июля (1 августа), но его датировка вызывает очень большие сомнения, ибо почти невозможно понять, почему главнокомандующий 2-й Западной армией написал донесение раньше командира одного из своих корпусов?

Из рапорта Багратиона императору	Из рапорта Раевского Багратиону
<p>«...Мое неперменное намерение было атаковать неприятеля при Могилеве и вытеснить оно, проложить вверенной мне армии кратчайший путь к Смоленску.</p> <p>Чтобы намерение сие привести в самое действие, в ночи 10 числа корпус под командою ген.-лейт. Раевского прибыл к Дашковке; а его авангард... находился в восьми верстах от Могилева.</p> <p>С рассветом 11 числа неприятель большими силами начал теснить наши аванпосты и авангард, которые, отступая, наводили их на позицию ген.-лейт. Раевского. Неприятель, усиливаясь ежеминутно, предупредил Раевского, шедшего к нему с корпусом на встречу от Дашковой и атаковал одного в девять часов утра.</p>	<p>«Прибыв... к деревне Дашковка 10 числа июля месяца едва успел я расположиться со вверенным мне корпусом, как получил известие, что <i>неприятель в больших силах кавалерии и пехоты принуждает к отступлению мои аванпосты</i>, находящиеся тогда от меня в 8-ми верстах в малом расстоянии от деревни Солтановки. Я приказал им отступать и наводить на мою позицию, на оной остановился при деревне Новоселках. 11 числа, получив приказание... атаковать неприятеля, выступил я со вверенным мне корпусом и встретил его, идущего на меня с таковым же намерением по сю сторону деревни Новоселки... Васильчиков, командовавший моим авангардом, который в сей день оказал храбрость солдата и искусство опытного генерала, <i>встретя его, принудил немедленно к отступлению</i>. Тщетно он подкреплялся, но был непрерывно опрокидыван и преследован до деревни Солтановки, где у них была позиция, природою и искусством укрепленная.</p> <p>Стремление войск наших при сем преследовании было столь велико, что, несмотря на тройной картечный и перекрестный огонь и ружейный засевавшего неприятеля в деревне, стрелки авангарда перебежали плотину и деревню и уже касались вершины горы, но будучи встречены превосходными силами принуждены были отступить на сию сторону пруда.</p>

Из рапорта Багратиона императору	Из рапорта Раевского Багратиону
<p>Неустрасимость войск, с каковою они <i>приняли превосходного в силах неприятеля</i>, не взирая на упорное с его стороны сопротивление, <i>принудили неприятеля отступить</i>. Как между тем <i>получая новое подкрепление, усиливал паки свое нападение</i>; но храбростью войск наших всегда быв <i>отражаемы с большою для них потерею, наконец опрокинуты штыками и преследованы от пехоты, по неудобству действий кавалерии, до селения Новоселки прикрытого речкою и лесом за оною</i>. На сем пункте выгодном отменно натуральным положением и укреплениями, неприятель имея <i>пять дивизий</i> под команду маршала Даву и <i>генерала</i> Мортье, остановился, как полагать должно, с намерением удержать сей единственный путь к Могилеву.</p> <p>Мужество войск В.И.В. не ослабевало, и желание в военнослужителях вытеснить неприятеля из неприступной его позиции, так было сильно, что частные начальники должны были ежеминутно удерживать стремление людей.</p> <p>В продолжение времени неприятель <i>двукратно</i> составлял сильные колонны; и наступая храбро, усиливался принудить нас к отступлению с места сражения; но <i>двукратно</i> штыками был опрокинут, рассыпался по лесу и, прикрываясь батареями, преграждал путь к преследованию себя и истреблению.</p>	<p>Между тем, прибывши с моим корпусом к месту и видя невозможность форсировать неприятеля в одном сем пункте и также опасаясь, чтоб онный не атаковал меня внезапно в левый фланг; что по густоте [леса в] дефиле ему удобно сделать можно было, отрядил я... Паскевича... с 26-ю дивизиею по дороге влево, дабы он старался обойти неприятеля. Предвидение мое исполнилось, ибо он встретил его, уже идущего ко мне с сим же намерением, но... Паскевичу атаковать его и опрокинуть было единственное действие. Сражение сие продолжалось в густом лесу, так что мне сил неприятельских открыть было невозможно, почему надеялся я, что действием сего обхода я успею завладеть неприятельскою позициею, и ожидал только малейшего успеха... Паскевича, чтобы колоннами идти на штыках чрез плотину и атаковать их позицию. Между тем выгодное положение их артиллерии наносило нам много вреда, и единая храбрость и усердие российских войск могли противоборствовать сим их выгодам. Подбитые наши пушки переменялись новыми, убитые и раненые люди заменялись здоровыми и наносили большой вред неприятелю. Храбрый господин полковник Глебов с 6-м и 42-м егерскими полками удерживали место противу неприятеля, который под прикрытием своих батарей и крутизны нашего берега переходил чрез болота в большом числе и силился согнать нас с нашего места; но намерение его всегда обращалось ему во вред. Между тем... Паскевич, <i>два раза</i> опрокидывая штыками неприятеля с неимоверною храбростию, принужден был отступать к своим резервам по причине усиливающегося неприятеля непрерывными подкреплениями. Я ж, услыша при последней его атаке, что огонь наш подвигается вперед, и считая сию минуту решительною, став с... Васильчиковым и всеми мне принадлежащими штаб- и обер-офицерами в первых рядах колонны, составленной из Смоленского пехотного полка, пошел к плотине.</p>

Из рапорта Багратиона императору	Из рапорта Раевского Багратиону
<p><i>В шесть часов по полудни, я получил вернейшее известие, что к бывшему сем месте пяти дивизиям прибыла еще в подкрепление пехота с артиллерию и кавалерийская дивизия. Поелику самое время сблизалось мне обратиться мое стремление на оную. Цепь стрелков егерских, видя меня, идущего вперед, единым же движением бросилась совокупно с моей колонной на неприятельскую, которая вся тотчас была уничтожена. При сей атаке полковой командир полковник Рылеев, отличивши себя необыкновенной храбростию, получил в ногу жестокою рану, а майор Шевелев убит; находившийся при мне штабс-ротмистр Маслов тяжело ранен и упал замертво, как и многие, меня окружавшие.</i></p> <p><i>Восьмой корпус, прибывший довольно благовременно, не мог быть употреблен на сем пункте, ибо местоположение пред Новоселкою так невыгодно, что седьмой корпус не имел места для действия совокупными силами, а кавалерия при оном оставалась в совершенном бездействии.</i></p> <p><i>Ген.-лейт. Раевский в моем присутствии взял направление к прежней позиции, не был преследуем не только в сие время, но и во все продолжение нахождения его аванпостов на месте сражения, а корпуса при Дашковке; в течении 12 числа и сколько мне кажется потому, что неприятель, не имевший доселе ни на один шаг выигрыша, не смел оставить выгодную свою позицию и показаться в поле.</i></p>	<p><i>Сей полк, отвечая всегдашней его славе, шел без выстрела с примкнутыми штыками, несмотря на сильный неприятельский огонь, с неизменною храбростию. Но подойдя к плотине, нашел под вышеписанной крутизной сильную колонну неприятельскую. Тогда уже оставалось мне обратиться мое стремление на оную. Цепь стрелков егерских, видя меня, идущего вперед, единым же движением бросилась совокупно с моей колонной на неприятельскую, которая вся тотчас была уничтожена. При сей атаке полковой командир полковник Рылеев, отличивши себя необыкновенной храбростию, получил в ногу жестокою рану, а майор Шевелев убит; находившийся при мне штабс-ротмистр Маслов тяжело ранен и упал замертво, как и многие, меня окружавшие.</i></p> <p><i>Между тем, получа от... Паскевича известие, что он по причине крепкого места, подобно моему, и превосходного неприятеля не может успеть в своем намерении; и узнав же чрез пленных, что все силы фельдмаршала Давуста и Лефевра, состоящие из 5-ти дивизий, в его личном присутствии находились тут и что ожидали ежеминутно подкреплений из 3-х дивизий под командою фельдмаршала Мортье, и, получив приказание Вашего Сиятельства по сим же причинам и по наступающему вечеру оставить сию атаку, приказал я... Васильчикову и... Паскевичу потихоньку отступать. Неприятель, сочтя оное отступление за поражение нас, бросился с стремительностию на орудия; но вскоре был выведен из заблуждения, ибо смертию многих заплатил за сию дерзость на штыках наших. С сей минуты отступление, деланное во всем порядке, не было беспокоивоваемо, как только малым числом стрелков. Я же между тем на всякий случай, устроив сильные батареи в удобном месте при деревне Новоселках, дабы принять там неприятеля, буде он покусится меня преследовать.</i></p>

Из рапорта Багратиона императору	Из рапорта Раевского Багратиону
<p>В особенную обязанность поставлю повергнуть монаршьему воззрению беспримерную храбрость войск 7-го корпуса, отражавших и преследовавших сильнейшего несравненно противу себя неприятеля с девяти часов утра до шести вечера. Таковой подвиг воинства российского, по единогласному показанию в плен взятых и по соображению с оставленными трунами на поле преследования, делает в войске неприятельском убитыми и ранеными более пяти тысяч человек. Потеря же с нашей стороны еще неизвестна ...»³</p>	<p>Но сия предосторожность была лишняя, ибо он меня оставил, не доходя оной, и я <i>отступил покойно на прежнюю мою позицию при деревне Дашковке</i>. Единая храбрость и усердие российских войск могла избавить меня от истребления <i>противо толико превосходного неприятеля</i> и в толико невыгодном для меня месте. Я сам свидетель, как многие штаб-, обер- и унтер-офицеры, получа по две раны, перевязав оные, возвращались в сражение, как на пир. Не могу довольно похвалить храбрость и искусство артиллеристов; в сей день все были герои, чему свидетельствует <i>превосходная противу нашей потеря неприятеля, которая Вашему Сиятельству известна чрез многие донесения ...</i></p> <p style="text-align: right;">№ 196. Июля 20 дня 1812 года»⁴</p>

Даже если допустить, *учитывая последнюю процитированную нами фразу рапорта Раевского*, что его датировка верна, то всё равно вполне очевидно, что *корпусной командир гораздо подробнее и корректнее изложил ход событий того дня*, избегая откровенных несуразностей. Поэтому его рапорт имеет для нас приоритетное значение при сравнении. Помимо того, он хорошо коррелируется с содержанием письма, написанного Раевским генералу А. Жомини в 1822 г.⁵ Разберём эту ситуацию по пунктам.

1) Раевский пишет, что 10 (22) июля его корпус прибыл к Дашковой, а *его аванпосты, находившиеся впереди него* в 8 верстах, были оттеснены до Новосёлок, где противник остановился, а значит, так и не был «наведён» на его позицию при Дашковой. Из письма к Жомини выясняется, что сначала к Дашковке подошёл только сам Раевский с авангардом из четырех батальонов, и через полчаса он узнал, что его «кавалерийские аванпосты», а точнее, *казаки* полковника В.А. Сысоева 3-го были «отброшены *французской пехотой*». Кстати, в послужном списке Сысоева 3-го отмечено, что в тот день он сражался «при м. Буйничи» (в 9 км от Могилева), а из наградных документов очевидно, что на следующий день при нём оставались только полки его имени, Андриянова 2-го и Иловой-

ского 10-го⁶. К 19 ½ ч. весь 7-й корпус прибыл к Дашковке. Багратион же написал, что *авангард* Раевского находился в 8 верстах *от Могилёва*. Маршал Л.Н. Даву сообщил, что провёл рекогносцировку с остатками 3-го конно-егерского полка (а это значит, что другой кавалерии под рукой не было) и 6-м батальоном 85-го линейного полка «впереди Буйничей; я продвинул её до Новосёлок; *противник показал только кавалерию* в довольно большом числе».

2) По словам Раевского, 11 (23) июля *его авангард наступал с 8 часов утра и оттеснил «французские аванпосты» до Салтановки*. Багратион же написал, будто *с утра неприятель большими силами теснил аванпосты и авангард* 7-го корпуса и те *навели его на позицию* Раевского, который «встретил его». Затем противник, «получая новое подкрепление, усиливал паки свое нападение», но был *оттеснён до Новосёлок, где и происходил бой*. Всё это прямо противоречит показаниям Раевского и французских источников.

3) В письме к Жомини сказано, что вечером 11 (23) июля Раевский отступил *от Салтановки к Дашковке*, оставив *арьергард* у д. Новосёлки, которую противник «занял своими аванпостами». После боя, уже ночью, в Дашковку «прибыли лично князь Багратион и гетман Платов». Багратион же утверждал, будто *бой происходил у Новосёлок*, где Раевский оставил свои аванпосты. Это ложь, поскольку французы, по словам Даву, «преследовали противника до наступления ночи *и отбросили на три льё от поля боя*» (примерно 13 км). По словам князя, эти же *аванпосты* и 12 (24) июля «удерживали» неприятеля у Новосёлок. Но в письме Раевского к Жомини сказано, что уже в 8 часов того дня он получил приказ отступить к Старому Быхову, и у Дашковки осталась лишь 2-я сводно-гренадерская дивизия генерала М.С. Воронцова. Французские же источники гласят, что в тот день генерал Ж.П. Фридрикс продвинулся от Салтановки к деревне, которую удалось захватить (Новосёлки); русские оттуда ретировались, он видел лишь несколько казачьих ведетов.

4) В письме к Жомини Раевский сообщил: «Несколько пленных офицеров и солдат, которых я взял во время атаки, допрошенных мною, сказали мне, что там имеется три дивизии пехоты, две кирасирские и что две пехотные должны вскоре прибыть из Могилева». Не потому ли генерал так легко поверил в эти рассказы, что *сам никак не мог разглядеть численность французского войска*. Да и Ф.Ж. Лефевра и Э. Мортье *здесь никогда не было!* Последний, между прочим, ещё в мае 1805 г. стал *маршалом* Франции, о чём Багратион просто не мог не знать, поскольку сражался с ним в ноябре-декабре того же года!

5) Более чем странно звучит аргумент Багратиона для обоснования огромных потерь противника – «по соображению с оставленными трупами на поле преследования». Кто кого преследовал в конце дня, мы теперь знаем, так что никто из русских воинов знать этого просто не мог! При этом Раевский мудро «предохранился» только фразой о большой потере неприятеля, «которая *Вашему Сиятельству известна чрез многие донесения*», т.е. не из рапорта его самого, ибо сам он никак не мог этого знать.

6) Раевский расхваливал подвиги своих пехотинцев и артиллеристов, а о кавалерии вообще не упомянул. Багратион же дважды указал на *бездействие кавалерии* в этой лесистой местности. Вопреки этому историки до сих пор включают кавалерию в расчёт противоборствующих сил, *хотя это совершенно бессмысленно*, поскольку ей просто негде было развернуться. Столь же странно читать надпись на мемориальных досках в часовне Салтановки, возведённой в 1914 г., где перечисляются полки 4-го кавалерийского корпуса, которые в бою вообще не участвовали⁷. Даву с инженерным генералом Ф.Н. Аксо именно потому и выбрали эту удачную позицию, способную нейтрализовать численно превосходящую русскую кавалерию!

Как видим, *буквально всё в донесениях Багратиона и Сен-При перевернуто с ног на голову, ибо атаки вели именно и только русские войска, а вовсе не французские, каковые упорно оборонялись на укреплённой заранее позиции за ручьём Салтан, и лишь 2–3 раза организовывали контратаки*. Столь же сумбурна и несуразна и запись в дневнике Сен-При: «7 корпус атакован французами в числе 25.000 человек. Он оттесняет их на расстояние 15 верст от Могилева. Они защищаются целый день в лесу, из которого не удастся их выбить».

Тот факт, что Багратион написал рапорт императору, не дожидаясь рапорта своего подчинённого, можно объяснить следующим образом. Раевский прекрасно понимал, что не выполнил приказа, отданного ему командармом, и потому тщательно обдумывал, чем же это можно было оправдать. Точно в такой же ситуации находился и Багратион, *но степень его ответственности была гораздо большей* – он не исполнил приказов императора и Барклая! Вот князь и поспешил хоть что-нибудь придумать в своё оправдание и «пустился во все тяжкие». У Раевского же было немного больше времени, и он не стал впадать в крайности, на всякий случай ссылаясь на выдумки своего командарма.

В приказе по армии от 13 (25) июля Багратион объявил, будто 7-й корпус вступил с неприятелем «в сражение, в котором с сродною российскому воинству неустрашимостию гнал и поражал его ... до самой глубокой

ночи ... *Целые колонны были истреблены нашими войсками, многократно их поражавшими штыками*». В письме к неизвестному адресату Багратион даже лихо заявил: «Третьего дня у меня было жаркое дело, и *потурил крепко я Даву и Мортье. Он потерял пехоты одной 5000 человек и два полка кавалерии. Наш урон невелик – славно и мы дрались – истинно, неслыханно... Неприятель имел под ружьем 60 000, а я дрался с корпусом Раевского. Не токмо [не] уступил ему место, но прогнали 6 верст в лес. Он там остановился, я далее не пошел – там мы и разошлись*».

В позднейшем донесении императору Багратион велеречиво, но путано и безграмотно написал: «*Если победа, приобретенная поражением неприятеля в 11 день июля не столько блистательное, то почитая оную не менее достохвальной и единственной по превосходству бывших сил неприятельских, полученной им потере, по той опасности, с каковою оставался неприятель в Могилеве, и ожидая вторичного нападения, открыл нам средства к соединению [с 1-й армией], беру смелость повергнуть Высокомонаршьему воззрению отличившихся чиновников в сем деле... испрашивая в награду отличной их храбрости и заслуг воздаяния*». За «отличный подвиг войск 7-го корпуса, под командою неустрашимого и опытного г.-л. Раевского совершивший в 11 день июля» князь испрашивал ему в вознаграждение пожалования ордена Св. Владимира 1-й степени⁸.

Поверили в эти рассказы и некоторые участники войны. А.Х. Бенкендорф 1-й, например, написал, что «генерал Раевский проявил здесь всю свою отвагу, и храбрые войска под его начальством *выдерживали беспрестанно возобновлявшиеся атаки неприятельских колонн, между тем как главные силы князя Багратиона переходили Днепр и расстраивали соображения противника*»⁹. Но ввести в заблуждение пронизательного Александра Павловича (достойного внука Екатерины Великой) грузинскому князю, конечно же, не удалось, и из всех генералов награды удостоился только генерал-адъютант И.В. Васильчиков 1-й (орден Св. Владимира 2-й степени). «*Славный для наших войск, но бесполезный бой*» – такую суровую, на первый взгляд, но объективную оценку дал ему император. Сходную оценку боя высказал и упомянутый выше флигель-адъютант Волконский: «*Раевский и под начальством его войско приобрели славу, но в исходе неудачную... Несмотря на все усилия начальников и храбрости войск наших, не могли вытеснить из леса французов. Потери наши в Салтановском бою были очень значительны*».

Подпоручик по квартирмейстерской части А.Н. Муравьев 1-й признавал, что атака при Салтановке, «при всей опытности и неустрашимости Раевского и храбрости войск его *была, разумеется, неудачна*», так как

пробиться к Могилёву не удалось. Негативно отзывался о действиях Раевского и генерал-квартирмейстер 2-й армии М.С. Вистицкий 2-й из-за того, что тот «атаковал при Дашковке, *не обрекогносцировав места*, и даже не расспросил у генерала Сиверса, бывшего там накануне и имевшего план местности»¹⁰. Правда, на самом-то деле у Раевского, имевшего приказ во что бы то ни стало пробиться к Могилёву, просто не было времени проводить рекогносцировки, а вот его противник имел достаточно времени для отыскания и укрепления удачной позиции.

У серьёзных дореволюционных российских историков хватало ума не цитировать все эти фантазии Багратиона и Сен-При. Только участник войны А.И. Михайловский-Данилевский и будущий её историк в 1817 г. доверчиво пересказал пропагандистскую и литературную поделку о «бессмертном подвиге» Раевского и его сыновей в «*сражении под Дашковым*», и затем написал: «Счастливы Раевский и Паскевич, что никто не отнимает у них славы, приобретённой ими *под Дашковым* ... Раевский слывет героем. Он командовал *под Дашковым*»¹¹. Очевидно, что участник войны никогда не сможет стать её объективным исследователем. Данилевский привёл лишь выпренные оценки этого «бессмертного подвига», взятые из литературы, даже не понимая, что *оба генерала не выполнили приказа!* К тому же этот бой происходил вовсе не *при Дашковке, а при Салтановке!*

Из дореволюционных авторов наиболее объективным был М. Иностранцев. Но и он написал, что к началу боя у французов имелись «у Могилева, под личным начальством Даву: а) *85-й и 108-й линейные полки* из дивизии генерала Дессэ, под начальством генерала Фридерике (10 батальонов), б) *57-й, 61-й и 111-й линейные полки* дивизии графа Кампана (15 батальонов), в) *5-я кирасирская дивизия* генерала Валанса (16 эск.), г) остатки 3-го конно-егерского полка», всего 18,5 тыс. штыков, 3 тыс. сабель и 55 орудий. Но ниже он указал, что 57-й полк находился у Могилёва, а 111-й в бою не участвовал, что Раевский уступал противнику в силах (?), но имел превосходство над противником в кавалерии и в артиллерии, «т.е. тех родах войск, которые, на данной местности, оказывались наименее полезными». Так зачем же нужно было включать в расчёт конницу? Он доверчиво повторил мифы об участии в атаке обеих сыновей Раевского, о наличии у Даву пяти дивизий, о приближении сюда корпусов Лефевра и Мортье. Он не поверил в указанную Даву цифру французских потерь, ссылаясь на весьма сомнительное заявление Паскевича.

Иностранцев признал неудачу всех атак Паскевича и Раевского, но парировал это тем, будто они имели приказ лишь «произвести усиленную

рекогносцировку», ибо Багратион якобы заранее предвидел «возможность неудачи движения на Могилев в случае нахождения там значительных сил противника». Закончил историк свой анализ примирительной фразой о том, что «обеими сторонами... был проявлен выдающийся героизм и в этом отношении соперники оказались достойными один другого»¹². На самом же деле Багратион осознал невозможность пробиться через Могилёв только в конце дня 11 (23) июля.

В советские времена превозносимый до небес академик Е.В. Тарле сочинил (безо всяких ссылок на источники), будто бы Багратион «приказал Раевскому задерживать всеми силами, до последней возможности, Даву у местечка Дашковки, а сам двинулся к Новому Быхову... 23 июля Раевский с одним (7-м) корпусом в течение десяти часов выдерживал при Дашковке, затем между Дашковкой и Новоселовым упорный бой с наседавшими на него пятью дивизиями корпусов Даву и Мортье... давая время всей армии Багратиона идти к переправе через Днепр». По словам академика, на следующий день Даву подумал, что «Багратион идет к Могилеву и примет генеральное сражение... Весь этот маневр Багратиона и был рассчитан на то, чтобы внушить французам мысль, что он идет к Могилеву и там примет генеральный бой». В другом издании Тарле написал, что Багратион «отрядил Раевского, дав ему 15 тысяч человек, против Даву. 23 июля началась битва между деревнями Дашковкой и Салтановкой. Бой, очень упорный, продолжался с перерывами весь день и стоил французам потери 3 ½ тысяч, а Раевскому 2 ½ тысяч человек. Раевский отступил, но это сражение дало возможность Багратиону» переправиться через Днепр¹³.

Эти измышления Тарле показывают, каким на самом деле «знатоком» войны 1812 года он являлся! О каком «генеральном сражении» можно вообще вести речь, если друг другу противостояли не самая сильная из русских армий и ещё меньшая по численности «временная группировка войск» маршала Даву? Ни о каких ложных «внушениях французам» Багратион тогда и помышлять не мог, он просто попытался исполнить приказы императора Александра и Барклая прорваться через Могилёв и Оршу к Витебску на соединение с 1-й Западной армией! 2-я армия во время боя никуда не отступала, а о невозможности пробиться через Могилёв князь узнал от Раевского уже после боя, когда приехал в Дашковку, и только тогда он принял решение переправляться через Днепр в другом месте! Даже место боевого столкновения «советский академик» указал неверно (получается, что обороняясь, Раевский отеснил неприятеля от Дашковки к Новосёлкам?!), и в трёх предложениях назвал его «битвой», «боем» и «сражением» – уму непостижимо!

В советские времена донесение Багратиона от 13 (25) июля публиковалось дважды, но только недалёкий умом генерал Ф.А. Гарин без комментариев привёл этот рапорт и приказ по армии Багратиона от того же числа, даже не понимая, что *в них всё перевёрнуто с ног на голову*¹⁴. А после этого элементарное научное правило ссылаться на источники с обеих сторон окончательно испарилось из марксистской литературы, что и стало её «визитной карточкой», ибо так было легче всего фальсифицировать историю на «единственно верный» марксистско-ленинский манер.

Измышления Тарле *до уровня маразма* довёл генерал Н.Ф. Гарнич, сочинение которого на веки вечные останется образцом *абсолютного дремучего невежества*. Сей бредоносец выдумал, будто «Багратион распознал намерение Даву. Ему стало ясно, что Даву хочет превратить Могилев в ловушку для 2-й русской армии». Попытка уйти от маршала без боя была безнадёжной, так что князю «оставалось только одно решение – нанести войскам Даву сильный отвлекающий удар. Целью этого удара было ввести в заблуждение Даву, чтобы скрыть истинные намерения Багратиона. Надо было заставить врага поверить в то, что 2-я русская армия полезла в расставленную ловушку – наступает на Могилев».

«Построенный на военной хитрости план Багратиона» состоял в том, что корпус Раевского поведет наступление на противника у Салтановки, «а 2-я армия тем временем осуществит переправу. Чтобы замаскировать переправу и предотвратить любые поиски разведки французов, казакам было приказано со всех сторон окружить войска Даву ... Несколько казачьих полков должны были изображать обход войск Даву с тыла»?! 11 (23) июля, «изображая широкий маневр крупных сил, в обход французских позиций пошла пехотная дивизия генерала Паскевича и *Ахтырский гусарский полк*... Умело штурмуя позицию врага, русские солдаты ворвались в середину укреплений... Но оборонявшийся противник имел в несколько раз больше сил. Русской пехоте не удалось опрокинуть густой боевой порядок французов, к которым все время подходили резервы... Французы поверили в то, что вся 2-я русская армия Багратиона ведёт наступление на Могилев... *Русская конница, все время меняя свое расположение, изображала накопление кавалерии*... Военная хитрость удалась».

Вершиной всего этого бреда явилась выдумка о том, как «казаки рыскали вокруг Могилева со всех сторон. Они метались карьером и галопом по сухим дорогам и песчаным холмам в окрестностях города и поднимали большие облака пыли. Маневрируя на флангах и в тылу противника, они производили атаки и вели огонь из своих конных орудий ... Но противник был по меньшей мере в двадцать раз сильнее». А далее следует

изумительная фраза: «Опрокинув французские колонны, смяв их резервы, *русские полки гнали остатки врага до самой Салтановки. Заставив маршала Даву окончательно перейти к обороне, Раевский выполнил приказ Багратиона*». Заключительным аккордом всего этого бреда явилось заявление о том, будто «в сражении под Салтановкой еще раз было доказано моральное и боевое превосходство русских воинов над *разноплеменными* солдатами и офицерами наполеоновской армии»¹⁵. Сей профан даже не знал, что в этом бою сражались *только французские войска*, о численности которых он и представления не имел.

Все последующие сочинители просто «перепевали на разный лад» измышления Тарле, *даже не заглядывая в источники*. Так, некие соавторы заявили, будто «11 июля конница Платова участвовала в сражении в районе Могилева около Дашковки»¹⁶. Литератор А. Кривицкий написал, что 2-я армия шла на соединение с 1-й, но «*путь преграждали дивизии маршала Даву. Дорогу пришлось прокладывать железом и кровью...* В тяжелую минуту, когда *Даву бросил на его войска превосходящие силы*, что-то надломилось в русском корпусе. Все его атаки захлебывались. И тогда *на центральном участке позиции генерал Раевский, обняв своих двух сыновей*» встал во главе своих полков. Русская пехота, «пораженная решимостью отца не пощадить в бою ни себя, ни своих детей» бросилась вперед и «в непрерывных штыковых атаках она *отбросила французов. Железный Даву отступил. Раевский выполнил свою боевую задачу. Он сковал противника*»¹⁷.

Сей сочинитель даже не заметил, как впал в противоречие с самим собой. Сначала он правильно написал, что 7-й корпус пробивал себе путь к Могилёву, но все его атаки захлёбывались. А далее автор начал откровенно лгать, ибо Даву не имел превосходства в силах, никаких атак французы не вели, но только оборонялись и не уступили русским ни шагу! Так что Раевский, который, кстати, сражался вовсе не в центре позиции, а на правом фланге, *не выполнил свою боевую задачу*, так как имел приказ пробиваться вперед, а не сковывать силы противника. Кровь стынет в жилах от заявления этого писаки о том, будто Раевский решил не пощадить в бою своих сыновей – только идеологически контуженный на голову «советский человек» мог сморозить такое!

Генерал П.А. Жилин (рукою полковника И.И. Ростунова) написал, будто Раевский прибыл к Салтановке «с двумя сыновьями, *чтобы они приняли непосредственное участие в бою*» (забавно), что у Даву было «*пять дивизий* (две из них кавалерийские)», что Багратион принял «смелое решение: *наступательными действиями пехотного корпуса Раевского*

сковать противника в районе Салтановки, чтобы обеспечить переправу главных сил армии», что «в штыковых атаках противник был отброшен и отступил к Салтановке». Но тут же он констатировал, что в результате этого боя «пробиться через Могилев не удалось» и лишь «поздно вечером» Багратион решил переправляться через Днепр, даже не понимая, что это прямо противоречит его предыдущим заявлениям¹⁸.

У полковника Л.Г. Бескровного краткое описание боя также весьма «туманно», ибо он заявил, будто Паскевич с помощью четырех пушек «принудил французов отказаться от обхода. Все фронтальные атаки были также отражены артиллерийским огнем. Этим продвижение противника к Старому Быхову было задержано». А ведь сначала он написал, что маршал Даву приготовился к обороне, а Раевский «начал наступление на Салтановку»¹⁹. Одним словом, и здесь всё перевернуто с ног на голову! Французы и не собирались ни в тот день, ни в последующем продвигаться к Старому Быхову.

Весьма своеобразную трактовку боя дали безликие авторы юбилейного фолианта к 175-летию войны. По их словам, «Багратион принимает решение идти на Могилев и 10 (22) июля отдает приказ» Раевскому «завязать бой с неприятелем и по возможности овладеть Могилевом». Но войска Даву (29 тыс. человек, 56 орудий) заняли город, «а передовые части французов продвинулись на 15 км к югу, в район деревни Салтановки. Задача хотя бы на считанные часы задержать продвижение неприятеля и была возложена на Н.Н. Раевского. Поскольку французы не проявляли особой активности, Раевский утром 11 (23) июля решил сам перейти в наступление». Причём Раевский сам «повел пехоту в атаку. Вместе с ним находились два его сына. Старший нес знамя Смоленского полка, а младший шел рядом с отцом. В штыковых атаках противник был отброшен... Но преодолеть сопротивление превосходящих сил противника Раевскому не удалось. Тем самым исчезла надежда прорваться через Могилев»²⁰.

Одним словом, чушь несусветная, ибо французы не вели никакого наступления, а только оборонялись. Не Багратион принял решение идти на Могилёв – это был приказ императора и Барклая. Раевский у этих сочинителей сначала получил приказ овладеть Могилевом, но затем ни с того ни с сего его задача изменилась – «задержать продвижение неприятеля». Абракадабра какая-то!

Впрочем, и после «перестройки» количество маразмов в исторической литературе не уменьшилось, поскольку наружу повылезали дилетанты, верхогляды и фантазёры всех мастей, полагающие, что заниматься историей могут все, кому не лень. Первым делом засветились борзопис-

цы М. Астапенко и В. Левченко, писавшие о донском казачестве. Сначала они сочинили, будто «в районе Могилева произошел упорный и кровопролитный бой. *Пробиться не удалось, маршал Даву в конце концов занял город, но при этом понес значительные потери.* Поздно вечером в деревне Дашковке Багратион после обсуждения этого вопроса с *Платовым* и Раевским принял решение отступить к Смоленску». Спустя год эти писаки добавили бреда в свою писанину: «Багратион снова остановил движение платовского корпуса, сообщив, что *намерен дать бой французам в районе Могилева. Бой этот произошел. Он отличался крайним упорством противоборствующих сторон... Несколько раз город переходил из рук в руки, но в конце концов остался за французами*»²¹. Комментарии, как говорится, излишни, ибо до Могилёва Раевский так и не добрался!

Затем объявился доморощенный историк казачества В.И. Лесин, написавший будто Багратион *«решил дать маршалу генеральное сражение.* Поэтому он задержал здесь корпус Платова на два дня. *Сражение это не состоялось, но произошла „битва и, – по мнению Платова, – довольно порядочная“*, в которой *„с обеих сторон, если не десять, то девять тысяч убитыми и ранеными пало“*. В ней, *вместе с корпусом... Раевского, отличилась бригада полковника Сысоева в составе пяти казачьих полков. Бой у Салтановки, а речь идет именно о нем, был действительно кровопролитным, хотя и скоротечным.* Потери атаман несколько преувеличил, но совсем немного»²². Вот так, *бой, длившийся фактически весь день, оказался «скоротечной» битвой с большими потерями!* У Сысоева в тот день было только три полка и в бою они не участвовали, а потери с обеих сторон завышены в два с лишним раза.

Автор популярной биографии Раевского сначала написал, что *«мост у плотины был основательно завален деревьями и присыпан землей. Французы крепко засели на том берегу»*. Но на следующих страницах он живописал, как «ровные колонны французских пехотинцев мерно вышагивали под барабанный бой к переправе», как они вдруг «быстро перемещались по полю, сгруппировались у моста, перебегали его, а затем вновь рассыпались в цепь» и как русские пехотинцы штыками преследовали их до моста. Затем «Даву бросил к плотине свежие силы. В бой вступили дивизии генералов Дессэ и Кампана... Не мог Даву предположить, что с его многочисленной армией дерется лишь малочисленный корпус... – Мы должны сбросить русских с их укреплений, – сказал Даву своему адъютанту... Сюда, на подмогу, идёт корпус генерала Мортье. Его дивизии уже на подходе. Приказываю – повести в наступление все части. Плотина у Салтановки должна быть наша». И далее: «В четыре часа

пополудни *французы пошли в большое наступление. Бесконечные колонны пехотинцев покрывали противоположный берег речушки*», но в итоге Смоленский полк опрокинул численно превосходящего неприятеля. Бой при Салтановке сей писака поименовал «сражением» или «битвой»²³. Осталось не ясным, какие же войска атаковали русских до ввода в бой дивизий Дессэ и Компана? Всю эту писанину смело можно назвать *разгулом больной фантазии малообразованного сочинителя*, который даже фамилию генерала Компана написал неверно и «ни ухом ни рылом» не ведал, что Мортье был маршалом и что здесь его вообще не было.

Удивление вызывают комментарии к последней публикации писем Раевского. Их анонимные авторы поначалу верно заметили, что, исследуя письма генерала, «невозможно не остановиться на *ставшем причиной неутрахающих и по сей день споров о сражении под Салтановкой...* Раевский писал жене об этом тяжелейшем бое». Однако даже тут они допустили путаницу в классификации этого боевого столкновения, и затем на полном серьёзе стали вещать о большом численном превосходстве противника (Даву и Мортье), который *«имел пять дивизий, т.е. был, по крайней мере, четверо сильнее*. Несмотря на столь чувствительное численное превосходство французов, *удачные действия Раевского в Салтановском сражении* позволили II армии П.И. Багратиона переправиться через Днепр».

Эти высказывания анонимных комментаторов заставляют усомниться в наличии у них исторического образования. Удивительно, как пять дивизий могли превосходить две дивизии, «по крайней мере, *четверо*»? Так что дальнейшие рассуждения анонимов о том, будто некий *весьма сомнительный поздний документ* «окончательно подтверждает, на наш взгляд, факт участия обоих сыновей генерала Раевского в этом бою» (несколькими строками выше – «в Салтановском *сражении*»), в сочетании со столь же сомнительными их комментариями, не вызывают абсолютно никакого доверия²⁴.

М.К. Чиняков по молодости лет повторил байки советских сочинительлей, добавив свои несуразности. По его словам, корпус Раевского перешёл в наступление, но *«Даву перекрыл своими войсками (несколько полков) мост через Днепр, ведущий к Могилеву*. Перед мостом располагался овраг, в котором протекал топкий ручей. Луи Никола занял позиции наверху оврага». Атака Раевского началась в 10 ч. и *«пока численный перевес был на стороне Даву, но разведка доложила маршалу о приближении всей 2-й армии*». «К 6 час. вечера *французы отбросили Н.Н. Раевского*», и к концу дня Багратион «увидел, что пробиться к Могилеву нельзя, и

применил военную хитрость, обманув» Даву. 7-й корпус «оставался на виду у маршала, якобы готовясь возобновить сражение, а основные силы П.И. Багратиона тем временем перешли Днепр»²⁵.

На самом-то деле никакого моста через Днепр под Салтановкой не было, а перекрыт был мост через упомянутый ручей. Автор пишет, что численный перевес был на стороне Даву, хотя сам же указал, что у него было всего несколько полков. Французы вовсе не отбрасывали Раевского – он отступил сам, с разрешения Багратиона. 12 (24) июля под Дашковкой стоял не 7-й корпус, а дивизия Воронцова. О какой военной хитрости может идти речь, если Даву вовсе не собирался атаковать 2-ю армию? Какая *разведка* могла донести маршалу о приближении 2-й армии? Даву узнал об этом из перехваченных бумаг.

Бездарнейший дилетант П.Н. Грюнберг заявил, будто Раевский при атаке «у Салтановки встретил *многочисленного противника* на неприступной позиции. В то время как Раевский яростно, но *безуспешно* атаковал позицию Даву, Багратион получил сообщение Барклая о движении его армии. Багратион сразу же превратил бой в арьергардный, так как необходимость в прорыве через Могилев отпала. В последующие дни Даву напрасно прождал русских атак, тогда как князь Багратион переправил армию через Днепр и ушел на соединение с Барклаем»²⁶. Сей бредоносец вряд ли вообще смог бы объяснить, отчего это вдруг отпала «необходимость в прорыве через Могилев»? На самом-то деле из-за этой своей неудачи под Салтановкой *Багратион сорвал план Барклая дать первое крупное сражение неприятелю под Витебском 28 июля и на целых 10 дней отсрочил соединение двух армий, не исполнив приказов императора Александра и Барклая!*

Некто С.А. Санеев написал, что «в сражении между деревнями Салтановкой и Дашковкой под Могилевом (в разных источниках называют то одну, то другую деревни) корпус Раевского прикрывал отступление главных сил 2-й армии, отражая натиск намного превосходящих сил французов. В какой-то момент Смоленский полк дрогнул и стал отступать... Раевский взял за руки своих сыновей и пошел с ними в контратаку. Атака французов была отбита. Подвиг получил большую огласку в России... Отец отрицал участие сыновей в деле под Салтановкой. В письме жене он писал, что Николай собирал ягоды в лесу». К.Н. Батюшкову генерал сказал, «что весь анекдот сочинен в Петербурге. Однако что же должен был он писать матери своих сыновей? Что он с ними пошёл в атаку, под град пуль и ядер, а Александр подхватил знамя полка, выпавшее из рук убитого знаменщика? Что те самые панталоны на Николае

пробиты не случайными пулями? Но об этом писала „Северная пчела“: „Вот он и вынужден был успокоить мать». В декабре того же года Николай был произведён в подпоручики именно за дело при *Дашковке*²⁷.

У данного сочинителя явно не всё в порядке с головой. 7-й корпус *вовсе не прикрывал отступление 2-й армии, которая в то время никуда не отступала*, а в безуспешных атаках пытался пробить оборону французов, которые вели только контратаки и не имели никакого численного превосходства. Он *именует бой сражением* и даже не знает, где точно оно проходило. Раевский отрицал только участие в атаке *младшего сына* Николая, в формулярном списке которого *бой при Салтановке вообще не упоминается*. Автор имеет весьма извращённое представление об «отцовских чувствах», так как Раевский никак не мог рисковать жизнью 10-летнего сына. А что бы он написал своей супруге, если бы с мальчишкой, не приведи Господь, случилось что-нибудь плохое? Даже название петербургского печатного издания данный автор перепутал, ибо это была «Северная почта». Санеев до сих пор наивно верит в то, что вся печатная продукция, вышедшая из-под пера столичных борзописцев, соответствует истине²⁸.

И. Ульянов повторил расхожий штамп о том, будто бы это «сражение принесло несомненную стратегическую выгоду армии Багратиона, которая смогла оторваться от корпуса Даву и двинуться на соединение с 1-й Западной армией»²⁹. В этом штампе 200-летнего возраста замалчивается тот факт, что Даву имел под своей командой *вовсе не весь свой корпус*, а лишь «временную группировку войск», что Багратион уже давно имел приказ соединиться с 1-й армией, а Даву этому воспрепятствовал – не позволил князю пройти через Могилёв и Оршу.

Ю.Л. Епанчин справедливо отверг трактовки этого боя Гарничем, Ро-стуновым и Бескровным, но сам упорно именовал его «первым сражением в этой войне», каковым он *вовсе не являлся*. Через статью Епанчина даже в последнюю Энциклопедию попала выдумка Багратиона о том, будто войска Раевского «*в сражении под Салтановкой 11 июля задержали наступление войск маршала Л.Н. Даву и обеспечили отход 2-й Западной армии к Смоленску*»³⁰. К сожалению, при редактировании этого издания данная статья оказалась вне «сферы нашего влияния».

Сказки Багратиона о большом численном превосходстве французов, много раз повторённые отечественными историками и сочинителями, давно уже следовало отбросить, если бы они смогли прочитать французские источники! На самом же деле *две русские дивизии безуспешно атаковали два французских полка!* Правда, что это были за полки!

Фактически по численности они равнялись бригадам, ибо 85-й и 108-й линейные полки имели по 3,5 тыс. человек, и не случайно каждым из них командовал бригадный генерал. Лишь позднее в дело был введён 61-й линейный полк (3,5 тыс. человек), а в неспешном преследовании участвовали 61-й и 111-й линейные полки (последний вообще потерь не имел) и два эскадрона конных егерей. *Так что никакого численного превосходства у французов вообще не было, а была лишь очень удачно выбранная ими позиция!*

Вопреки фантазиям Багратиона и К° историков, реальные потери сторон известны достаточно точно. Раевский определил свои потери убитыми и ранеными в 2 548 человек, либо в 2 909 человек, из которых французы нашли потом на поле боя от 800 до 900 убитых и 500 раненых. Даву сообщил о своих потерях: 120 убитых, 800 с лишним раненых и 29 пленных из 108-го полка (Паскевич доведёт последнюю цифру до 500 человек). Самая задействованная в бою 4-я дивизия генерала Ж.М. Дессэ потеряла в целом 942 человек, причём особенно пострадал 108-й полк, атакованный Паскевичем; неслучайно, что именно на помощь ему пришлось выдвинуть 61-й полк 5-й дивизии³¹.

II. Следующая фантазия Багратиона, повторённая Сен-При, касается последствий боя. Эта мысль впервые проскользнула в их рапортах от 13 (25) июля. Своё донесение Багратион завершил словами: «Предупрежден быв усилившимся *неприятелем* в Могилеве и *укрепившимся при Новоселке*, удостоверяясь в весьма трудном и едва возможном походе к оному без значительной потери, как равно и в том, что *превосходство его сил получает ежесекундно новое подкрепление от стороны Минска*, и что усиливаясь походом чрез Новоселку и укрепленную переправу и ворота в Могилеве, *должен я неизбежно, вопреки Высочайшего повеления В.И.В., иметь решительный бой с сильнейшим себя неприятелем... я принужденным нашелся переменить опять мое направление, и удерживая чрез 12 число все силы неприятеля при Новоселке, ожидавшего без сомнения нашего усилия пройти в Могилев*, дал сем случай... Платову выйти на Смоленскую дорогу», т.е. на соединение с 1-й армией. Дублируя выражения Багратиона, Сен-При 16 (28) июля написал полковнику А.А. Закревскому: «Мы не идем, но летим к армии, хотя кружно, но верно; *неприятели в Могилеве и уверены движением Платова, что мы хотим их атаковать*». Совершенно непонятно, каким образом появление *казачьих партий* на противоположном берегу Днепра могло внушить противнику такую мысль? Французы вовсе не укреплялись в Новосёлках – там располагались только их аванпосты!

17 (29) июля Багратион сообщил императору, что его аванпосты «доносят, что неприятель... в партиях нигде не показывается по дорогам общей и частным к Смоленску, а посыланные мною лазутчики, разного состояния люди и некоторые помещики, вышедшие из Могилева, удостоверяют, что после поражения неприятеля в 11 день июля... стянул все свои силы к Могилеву, укрепляется в оном». Как видим, князь, ничтоже сумняшеся, приписал себе победу в бою при Салтановке и поверил росказням, будто Даву укрепляется в городе. Тогда же Багратион написал Барклаю: «Неприятель, будучи остановлен нападением генерал-лейтенанта Раевского» при Салтановке, «остался в уверенности, что имел я намерение атаковать его с левого берега Днепра, укрепился в Могилеве и дал мне чрез то время дойти до того пункта, откуда сообщение мое ... с 1-ю армиею уже верно».

18 (30) июля Сен-При написал Закревскому: «Дело наше 11-го числа и марш наш на Пропойск ошеломили Даву таким образом, что он ни с места не пошел»³². Паскевич развил эту идею в воспоминаниях: у Дашковки «мы оставались целый день 12-го июля... Неприятель не показывался». «Этим обязаны мы делу под Салтановкой. Маршал Даву хотя и получил в подкрепление в ночь после сражения весь свой корпус, но не выступал из Могилева и укрепил его вскопанными батареями. Сражение под Могилевом произвело на него большое влияние». Русские войска «держались целый день на позиции, и мужество их имело то счастливое последствие, что неприятель заперся в Могилеве, начал окапываться и не предупредил нас в Мстиславле».

Эту выдумку Багратиона повторил в воспоминаниях и генерал А.П. Ермолов, доверчиво написавший, будто после боя Даву ожидал «генерального сражения, отошел к главным своим силам в Могилев, где и остался, приготавливаясь к обороне»³³. Все эти высказывания российских генералов свидетельствуют лишь о том, что они совершенно ничего не знали о намерениях и действиях своего противника. Но все отечественные историки бездумно ретранслировали эти заявления!

Михайловский-Данилевский написал, что за своё «беспрепятственное движение обязан был князь Багратион делу под Салтановкой. Хотя ночью, после сражения, пришли к Даву остальные войска его сводного корпуса, отчего у него было около 40 000 человек, а на следующий день соединился с ним корпус Понятовского, около 20 000, но он не выступал из Могилева и укрепил его вскопанными батареями, бив в полной уверенности, что князь Багратион станет опять нападать»³⁴. Диву даёшься от такой неосведомлённости официального историка! Никаких «вскопан-

ных батарей» в городе не возводилось, на другой день после боя к Даву подошли вовсе не все войска его сводного корпуса, а корпус Понятовского прибудет в Могилёв лишь 16 (28) июля!

Иностранцев также поверил Багратиону и написал, что «корпус Раевского, усиленный сводною гренадерскою дивизиею Воронцова, получил приказание оставаться все 12-го июля у Дашковки»; но это противоречит словам самого Раевского. Далее историк пишет, что «по плану Багратиона, пребывание 7-го корпуса у Дашковки, в связи с появлением значительных сил казаков Платова, на левом берегу Днепра, против Могилева, должно было привлечь на себя внимание Даву и создать у него представление о намерении 2-й армии вновь повторить атаку». Далее он пишет, что Платов переправился через Днепр у Ворколабова *около полудня*, и им «были высланы *сильные партии казаков* к стороне Днепра между Могилевым и Дашковкой, которыми было выяснено занятие сторожевыми постами противника всего правого берега реки»³⁵. Однако выяснить это обстоятельство казаки могли лишь к концу дня, а на французов их появление не произвело почти никакого впечатления, судя по письму маршала Даву генералу Э. Груши.

Упомянутый выше Епанчин даже «впал» в рассуждения по этому поводу: «Представляет интерес вопрос: почему Л.Н. Даву в дальнейшем *не преследовал* войска 2-й армии, позволив им спокойно переправиться на левый берег Днепра у Нового Быхова? А ведь он располагал достаточным количеством времени для активных действий, поскольку почти вся 2-я армия находилась на правом берегу ещё 2–3 дня. Конечно, Даву не был простаком. *Но он постоянно колебался между двумя поставленными Наполеоном задачами: или разбить армию Багратиона, или, по крайней мере, не пустить её в Витебск на подкрепление Баркляя*. И в том, что Даву, в конце концов, избрал *второй, более легкий путь, начав укреплять Могилев*, вместо того, чтобы вести активные действия, есть немалая заслуга стремительного натиска корпуса Раевского на *салтановские укрепления и его твердого отпора ответным выпадам противника*»³⁶.

Вот к каким безбрежным фантазиям привела доверчивость сочинителя к русским источникам и полное незнание им источников иностранных. Никогда перед Даву не ставилась задача разгромить 2-ю армию, так как сил для этого у него было недостаточно, но только не допустить её соединения с 1-й армией, тем более что Наполеон даже точно не знал, сколько дивизий было в армии Багратиона, и постоянно требовал от маршала уточнить её состав. Вряд ли сей фантазёр имеет хоть какое-нибудь представление об укреплениях в Могилеве.

На самом же деле 12 (24) июля Даву, ожидая нового нападения армии Багратиона, численность которой он несколько преувеличивал, просто-ял на месте. Он осмотрел поле боя при Салтановке, после чего написал: «Этим утром я разглядел поле боя в мельчайших деталях: там имеется от 700 до 800 убитых русских и более 100 французов», «*в двух своих полках, единственных войсках, которые были задействованы!*» «Войска, сражавшиеся против нас можно рассматривать, как почти уничтоженные, поскольку они имели вышедшими из строя до трети своих людей, *кроме кавалерии, которая не проявилась*».

Валансу Даву сообщил, что русские могут выйти из леса у д. Селец. *Это маловероятно после вчерашнего боя, но следует принять меры предосторожности.* Генерал должен отправить 200–300 кавалеристов наблюдать местность на дистанции между Сельцом и Застенком и при первом же выстреле посадить кавалеристов на коней. Компану Даву велел как можно быстрее выдвинуться к юго-западу от Сельца, чтобы прикрыть правый фланг 85-го полка, наблюдающего за всеми выходами из леса. Компан должен был связать свои посты с постами 85-го полка и, поскольку русские могли начать наступление на правом фланге французов, генерал разместит в первой линии 111-й полк, во второй – 61-й полк. 57-й полк по-прежнему оставался в Могилёве.

Дессэ охранял свою прежнюю позицию со 108-м и 85-м полками до Сельца включительно. Генерал Фридрикс продвинулся на юг до д. Новосёлки; русские оттуда ретировались, оставив лишь несколько казачьих ведетов. Только что подошедшие Легион Вислы генерала М. Клапареда и 12-фунтовая батарея выдвигались из Могилёва на 1 км до перекрестка с дорогой, которая вела в Застенок (на карте у М.И. Богдановича эта дивизия изображена на поле боя *предыдущего дня*). Кавалерия генерала Э. Бордесуля направлялась к д. Селец. Генерал К. Пажоль получил приказ занять позицию к юго-западу от Могилёва, на правом фланге группировки Даву.

Генералу Груши Даву направил два письма, написанные *на поле боя при Могилёве*. Он сообщил, что партии казаков, появившиеся напротив Шклова и Могилёва, принадлежат к корпусу Платова. Во втором письме Даву сообщил: «*Я сражался и вынудил армию князя Багратиона направиться вправо и отказаться от намерения пройти через Могилёв*». Груши получит эти два письма на следующий день, после чего доложит Наполеону, что маршал «не сообщает более ничего ни о каком новом бое»; стало очевидно, что Багратион «отказался от надежды перейти Днепр в Могилёве»³⁷.

Следовательно, 24 июля Даву остался на прежней позиции, а не отступил к Могилёву, но маршал вовсе не бездействовал. Полагая позицию при Салтановке непреодолимой для русских, он опасался только обхода ими своего правого фланга, но никаких следов такого манёвра в течение дня обнаружено не было. К концу дня маршал окончательно убедился, что Багратион отступил вправо. Нет никаких доказательств того, что Могилёв в это время укреплялся, да и зачем нужно было это делать, если маршалу стало совершенно ясно, что армия Багратиона отступила к югу?

III. Стремясь всячески «раздуть» перед императором Александром значение дела при Салтановке, «чудесным образом» превращая его из кровопролитного, но *безрезультатного боя* в «жестокое сражение» и в свою «победу», Багратион задним числом «приплёл» к этому и третий «аргумент». «Платов, – написал он, – *отправленный мною в соединение к 1-й армии, проходя свободно в виду разъездных партий из французских войск, дал причину удостовериться неприятелю, что он будет атакован в Могилеве с обеих сторон. И маршал Даву, несравненно сильный противу меня числом войск, и того более неприступными позициями, требовал от Наполеона сикурсу, имея в то же время подкрепление от короля Вестфальского. Появление моих разъездных партий вблизи таковых неприятельских около Могилева из регулярных и иррегулярных войск, и более удостоверило неприятеля в намерении моем вытеснить его из Могилева. Как я, пользуясь таковым замешательством, успел выиграть время и достигнуть Мстиславля, отколы мое соединение столь же было верно уже, как ныне совершившееся у Смоленска.*»

Эту версию князя пересказал и Ермолов, заявивший, будто в состоянии бездействия маршала «долгое время удерживал... атаман Платов, появившийся с своими войсками у самых окопов Могилева... Грубая ошибка Даву была причиною соединения наших армий». В оправдание своего долгого отсутствия в 1-й армии Платов приводил «четыре дела довольно кровопролитные и... *неподвижность* маршала Даву». Михайловский-Данилевский лихо заявил, что «пять дней не трогался Даву из Могилева и был в большом затруднении собирать известия о настоящем направлении князя Багратиона, потому что Платов, обратясь от Быхова на Чаусы и Горки, *наводил казаками все окрестности Могилева*, отчего Даву не мог получать сведений, куда девалась 2-я армия»³⁸.

Буквально всё в этих заявлениях «притянута за уши», поскольку Платов высылал упомянутые партии *не вследствие каких-либо инструкций Багратиона, но сугубо по собственной инициативе*, что очевидно из его донесений. Казаки появились напротив Могилёва только один раз –

14 (26) июля, и только в тот день в Горках Платов узнал, что «неприятель, состоящий в небольшом числе, находится в городе Шклове, местечке Копысе и городе Орше», и выслал туда три партии казаков, которые совершили свои налёты 15 (27) июля. Никаких «партий из регулярных войск» из 2-й армии здесь тогда не было.

С каких это «обеих сторон» Даву мог быть атакован при Могилёве? Багратион даже не знал, что Жером Бонапарт давно уже покинул армию. Никакой помощи у Наполеона Даву в то время не просил. У каких таких «окопов Могилева» мог оказаться Платов, двигавшийся по другому берегу Днепра? С 20 июля в городе постоянно находился 57-й линейный полк генерала Ф.А. Теста; неслучайно в своих воспоминаниях этот генерал всего одной строкой упомянул о «довольно оживлённом бое при Султановке». Солдаты Теста охраняли *мост, паром и тет-де-пон*. Лишь 31 июля Даву ретранслирует генералу Ю. Понятовскому пожелание Наполеона *расширить тет-де-пон* в Могилёве.

Богданович написал, что «в продолжение времени этих движений князя Багратиона и Платова, Даву, несмотря на присоединившиеся к нему подкрепления, *не осмелился переправиться через Днепр, из опасения попасть в средину между нашими Западными армиями*. Такая осторожность опытного воина была необходимым следствием ослабления его войск, под влиянием тех же самых неблагоприятных обстоятельств, которые истощили прочие войска Наполеона. *Вместо ста тысяч человек, состоявших при переходе через русские границы, в тех частях войск, кои были направлены к Днепру, Даву мог собрать на сей реке не более семидесяти тысяч*»³⁹. Историк, не знавший многих французских документов, к тому времени ещё не опубликованных, помимо того совершил здесь подмену понятий. Неужели он не знал, что группировка Даву была всего лишь «временным оперативным соединением», спонтанно образованным из войск различных корпусов, а затем, из-за самоустранения короля Жерома, преобразованным в новый правый фланг Великой армии. Поэтому приведённые им подсчёты оказываются попросту неуместными.

А.И. Сапожников отметил, что «Ермолов и Чуйкевич утверждали, что разведывательные рейды на Шклов, Копыс... и Оршу *имели большое значение и дали армиям возможность соединиться*. Даву, опередивший Багратиона в Могилеве, не успел сделать этого в Смоленске. Однако причина в том, что *16 июля* Наполеон решил дать своей армии отдых, остановив ее на линии Витебск–Могилев. Казачьи поиски, из которых *удачным был только один – на Шклов*, – не могли бы остановить продвижение группировки войск Даву, если бы оно продолжалось»⁴⁰. В целом мы согласны с

этим суждением, но с одним строгим замечанием – *приказы Наполеона недопустимо датировать старым стилем!*

На самом же деле маршал Даву не мог так долго покинуть Могилёв не из-за трёх названных Багратионом причин, а потому, что он не имел права оставлять без прикрытия этот город, являвшийся крайней точкой на правом фланге центральной группировки Великой армии. 26 июля маршал написал князю Понятовскому, что для того, чтобы помешать соединению армий Барклая и Багратиона, «я должен дебушировать по мосту в Могилёве; но чтобы произвести это движение, необходимо, чтобы ваше сиятельство были в Могилёве, чтобы сменить меня». Тогда же маршал сообщил генералу Груши, что завтра в город должен прибыть Понятовский. Но лишь 28 июля Даву и Тест смогут оставить город, куда через несколько часов прибудет Понятовский⁴¹.

Общий вывод наш будет банальным – *историкам необходимо знать показания источников с обеих противоборствующих сторон, чтобы не допускать описанных выше «ляпов» и фантазий, и непременно оставаться объективными.*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отечественная война 1812 г.: Материалы ВУА. СПб., 1910. Т. XIV. С. 69, 80 (далее – Материалы ВУА).

² Сия сказка была придумана и опубликована через 20 дней в Петербурге, см.: Северная почта. 1812. 31 июля. № 61. Описав «бессмертный подвиг сей», А.И. Михайловский-Данилевский 2 (14) сентября 1817 г. заметил, что он «был бы, вероятно, как и многие другие, забыт, если бы Жуковский не упомянул его в „Певце во стане русских воинов“». *Прекрасное назначение стихотворства, когда оно заменяет историю!*» (Из воспоминаний Михайловского-Данилевского // Рус. старина. 1897. Т. 90. С. 465–466). Не совсем ясно, как будущий историк понимал смысл своей последней, выделенной нами фразы? Ибо на самом-то деле произошла подмена объективного исторического анализа пропагандистской и литературной фантазией! Выражаем искреннюю признательность И.С. Тихонову за предоставления нам этой публикации!

³ Материалы ВУА. Т. XIV. С. 117–119, 122–123.

⁴ Отчизну обняла кровавая забота... Рукописное наследие Отечественной войны 1812 года в собрании Пушкинского дома. СПб., 2012. С. 235–236. Выражаем искреннюю благодарность И.С. Тихонову за предоставление нам этого документа!

⁵ Lettre du général Raeffskoi à Jomini // *Fabry G. Campagne de Russie, 1812*. P., 1903. Т. IV. Annexe. P. 66–68.

⁶ Сапожников А.И. Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. М.; СПб., 2012. С. 154, 807.

⁷ Лукашевич А.М. Памятники и памятные места 1812 года в Беларуси. Минск, 2012. С. 95–96.

⁸ Материалы ВУА. Т. XIV. С. 114, 117–119, 122–123; СПб., 1911. Т. XVIII. С. 217–218; Генерал Багратион: Сб. документов и материалов. М., 1945. С. 208–212; К чести России: Из частной переписки 1812 года. М., 1988. С. 51; Дневник Сен-При // Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1900. Вып. I. С. 143–144.

⁹ Записки Бенкендорфа: 1812 год: Отечественная война... М., 2001. С. 40.

¹⁰ Волконский С.Г. Записки. Иркутск, 1991. С. 200; Муравьев А.Н. Что видел, чувствовал и слышал // России двинулись сыны... М., 1988. С. 282; Харкевич В.П. Указ. соч. С. 184.

¹¹ Из воспоминаний Михайловского-Данилевского (1817 год) // Рус. старина. Т. 90. С. 465–467.

¹² Иностранцев М. Отечественная война 1812 г.: Операции 2-й Западной армии князя Багратиона: От начала войны до Смоленска. СПб., 1914. С. 332–333, 336–337, 343–346, 351–354.

¹³ Тарле Е. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1938. С. 79; Он же. 1812 год. М., 1994. С. 92–93.

¹⁴ Генерал Багратион. С. 208–212; Хрестоматия по русской военной истории. М., 1947. С. 324–326; Гарин Ф.А. Изгнание Наполеона. М., 1948. С. 88–91.

¹⁵ Гарнич Н.Ф. 1812 год. 2-е изд. М., 1956. С. 74–76; Окунь С.Б. История СССР. Л., 1976. Ч. 2. С. 17.

¹⁶ Проништейн А.П., Чеботарев Б.В. Донские казаки в Отечественной войне 1812 г. // ВИ. 1962. № 9. С. 36.

¹⁷ Кривицкий А. Отголоски минувшего // Знамя. 1979. № 6. С. 138.

¹⁸ Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. 2-е изд. М., 1974. С. 112–113.

¹⁹ Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 301–302.

²⁰ Бородино: 1812. М., 1987. С. 46–48.

²¹ Астапенко М., Левченко В. М.И. Платов // Герои 1812 года. М., 1987. С. 89; Они же. Атаман Платов: Жизнеописание. М., 1988. С. 89.

²² Лесин В. Бунтари и воины: Очерки истории дон. казачества. Ростов н/Д., 1997. С. 259.

²³ Ковалев К. Н.Н. Раевский // Герои 1812 года. М., 1987. С. 152–157.

²⁴ 1812–1814... Личные письма генерала Н.Н. Раевского... М., 1992. С. 209–210. Сочинители «трёхэтажного» названия данного издания явно забыли о том, чьей родственницей является краткость...

²⁵ Чиняков М.К. Маршал империи Л.Н. Даву в Отечественной войне 1812 года // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 1999. С. 49.

²⁶ Записки Бенкендорфа. С. 94. Примеч. 21.

²⁷ Санеев С.А. «Век служи Раевский с нами, мы с тобою и штыками опрокинем свет»... // Воен-ист. журн. 2004. № 6. С. 68.

²⁸ О наивном доверии советских сочинителей к литературной и изобразительной продукции петербургских борзописцев и живописцев см.: Попов А.И. Об итогах и перспективах изучения войны 1812 г. // Отечественная война 1812 года и российская провинция... Малоярославец, 2009. С. 14–17.

²⁹ Ульянов И.Э. 1812: Рус. пехота в бою. М., 2008. С. 125.

³⁰ Епанчин Ю.Л. Дым боев, очаг домашний: Жизнь и судьба генерала Н.Н. Раевского. Смоленск, 2008. С. 42, 44; Он же. Раевский Н.Н. // Отечественная война 1812 года и Освободительный поход русской армии 1813–1814 годов: Энциклопедия. М., 2012. Т. 3. С. 189.

³¹ Fabry G. Op. cit. P., 1900. Т. II. 142, 145; Т. IV. Ann. 68; V. 217–219; Dessaix J., Folliet A. Le général Dessaix: Sa vie politique et militaire. Annecy, 1879. 239, 242; 1812–1814. С. 215, 224.

³² ВУА. Т. XIV. С. 119, 123, 160; Харкевич В.И. Указ. соч. Вып. I. С. 144–145; Генерал Багратион. С. 212–213; Письма графа Э.Ф. Сен-При А.А. Закревскому // Эпоха 1812 года: Источники. Исследования. Историография. М., 2015. С. 356, 357.

³³ ВУА. Т. XVIII. С. 228; Паскевич И.Ф. Походные записки // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 89; Записки А.П. Ермолова. М., 1991. С. 137; Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. М., 2008. С. 118; Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г. СПб., 1859. Т. 1. С. 217; Харкевич В.И. Война 1812 года: От Немана до Смоленска. Вильна, 1901. С. 235.

³⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 118.

³⁵ Иностранцев М. Указ. соч., С. 354–356.

³⁶ Епанчин Ю.Л. Указ., соч. С. 46.

³⁷ Fabry G. Op. cit. Т. II. P. 159, 170–171, 195; Т. IV. P. 68; Т. V. P., 1903. P. 220–222; Kukiel M. Op. cit. Т. I. S. 443.

³⁸ ВУА. Т. XIV. С. 128, 157; Т. XVIII. С. 217; Записки А.П. Ермолова. С. 137; Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 118.

³⁹ Богданович М.И. Указ. соч. С. 218.

⁴⁰ Сапожников А.И. Указ. соч. С. 157–158.

⁴¹ Fabry G. Op. cit. Т. II. P. 246, 316; Т. V. P. 230.